

М. А. Горький

О Русском крестьянстве

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г71

Г71 **Горький М.**
О Русском крестьянстве / М. А. Горький – М.: Книга по Требованию, 2021. –
44 с.

ISBN 978-5-518-02345-1

ISBN 978-5-518-02345-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

окружающую среду въ своихъ интересахъ, если же онъ рѣшается на это — его ждетъ тяжелая и бесплодная борьба. Тѣхъ, кто пытается внести въ жизнь деревни нѣчто отъ себя, новое, — деревня встрѣчаетъ недобѣриемъ, враждой и быстро выжимаетъ или выбрасываетъ изъ своей среды. Но чаще случается такъ, что новаторы, столкнувшись съ неодолимымъ консерватизмомъ деревни, сами уходятъ изъ нея. Идти есть куда, — всюду развернулась пустынная плоскость и соблазнительно манитъ въ даль.

Талантливый русскій историкъ Костомаровъ говоритъ: «Оппозиція противъ государства существовала въ народѣ, но, по причинѣ слишкомъ большого географическаго пространства, она выражалась бѣгствомъ, удаленіемъ отъ тягостей, которыя налагало государство на народъ, а не дѣятельнымъ противодѣйствіемъ, не борьбой». Со времени, къ которому относится сказанное, населеніе русской равнины увеличилось, «географическое пространство» сузилось, но — психологія осталась и выражается въ курьезномъ совѣтѣ-пословицѣ: «Отъ дѣла — не бѣгай, а дѣла — не дѣлай».

Человѣкъ Запада еще въ раннемъ дѣтствѣ, только-что вставъ на заднія лапы, видитъ

всюду вокругъ себя монументальные результаты труда его предковъ. Отъ каналовъ Голландіи до туннелей Итальянской Ривьеры и виноградниковъ Везувія, отъ великой работы Англии и до мощныхъ Силезскихъ фабрикъ — вся земля Европы тѣсно покрыта грандіозными воплощеніями организованной воли людей, — воли, которая поставила себѣ гордую цѣль: подчинить стихійныя силы природы разумнымъ интересамъ чело-вѣка. Земля — въ рукахъ чело-вѣка и чело-вѣкъ дѣйствительно владыка ея. Это впечатлѣніе всасывается ребенкомъ Запада и воспитываетъ въ немъ сознаніе цѣнности чело-вѣка, уваженіе къ его труду и чувство своей личной значительности, какъ наслѣдника чудесъ труда и творчества предковъ.

Такія мысли, такія чувства и оцѣнки не могутъ возникнуть въ душѣ русскаго крестьянина. Безграничная плоскость, на которой тѣсно сгрудились деревянные, крытыя соломой деревни, имѣетъ ядовитое свойство опустошать чело-вѣка, высасывать его желанія. Выйдетъ крестьянинъ за предѣлы деревни, посмотритъ въ пустоту вокругъ него и черезъ нѣкоторое время чувствуетъ, что эта пустота влилась въ душу ему. Нигдѣ вокругъ не видно прочныхъ слѣдовъ труда и творчества. Усадьбы помѣщиковъ? Но ихъ мало и въ нихъ живутъ враги. Го-

рода? Но они — далеко и не многимъ культурно-значительнѣ деревни. Вокругъ — безкрайняя равнина, а въ центрѣ ея — ничтожный, маленькій человѣчекъ, брошенный на эту скучную землю для каторжнаго труда. И человѣкъ насыщается чувствомъ безразличія, убивающимъ способность думать, помнить пережитое, вырабатывать изъ опыта своего идеи. Историкъ русской культуры, характеризуя крестьянство, сказалъ о немъ: «Множество суевѣрій и никакихъ идей». Это печальное сужденіе подтверждается всѣмъ русскимъ фольклоромъ.

Спора нѣтъ — прекрасно лѣтомъ «живое злато пышныхъ нивъ», но осенью предъ пахаремъ снова ободранная голая земля и снова она требуетъ каторжнаго труда. Потомъ наступаетъ суровая, шестимѣсячная зима, земля одѣта ослѣпительно бѣлымъ саваномъ, сердито и грозно воютъ вьюги и человѣкъ задыхается отъ бездѣлья и тоски въ тѣсной, грязной избѣ. Изъ всего, что онъ дѣлаетъ, на землѣ остается только солома и крытая соломой изба — ее три раза въ жизни каждаго поколѣнія истребляютъ пожары.

Технически примитивный трудъ деревни неимовѣрно тяжелъ, крестьянство называ-

еть его «страда» отъ глагола «страдать». Тяжесть труда, въ связи съ ничтожествомъ его результатовъ, углубляетъ въ крестьянинѣ инстинктъ собственности, дѣлая его почти неподдающимся вліянію ученій, которыя объясняютъ всѣ грѣхи людей силою именно этого инстинкта.

Трудъ горожанина разнообразенъ, проченъ и долговѣченъ. Изъ безформенныхъ глыбъ мертвой руды онъ создаетъ машины и аппараты изумительной сложности, одухотворенные его разумомъ, живые. Онъ уже подчинилъ своимъ высокимъ цѣлямъ силы природы и онѣ служатъ ему, какъ джины восточныхъ сказокъ царю Соломону. Онъ создалъ вокругъ себя атмосферу разума — «вторую природу», онъ всюду видитъ свою энергію воплощенной въ разнообразіи механизмовъ, вещей, въ тысячахъ книгъ, картинъ, и всюду запечатлѣны величавыя муки его духа, его мечты и надежды, любовь и ненависть, его сомнѣнія и вѣрованія, его трепетная душа, въ которой неугасимо горитъ жажда новыхъ формъ, идей, дѣяній и мучительное стремленіе вскрыть тайны природы, найти смыслъ бытія.

Будучи поработченъ властью государства, онъ остается внутренно свободенъ, — именно силою этой свободы духа онъ разрушаетъ изжитыя формы жизни и создаетъ новыя.

Человѣкъ дѣянiя, онъ создалъ для себя жизнь мучительно напряженную, порочную, но — прекрасную своей полнотой. Онъ возбуждатель всѣхъ социальныхъ болѣзней, извращенiй плоти и духа, творецъ лжи и социального лицемерiя, но — это онъ создалъ микроскопъ самокритики, который позволяетъ ему со страшной ясностью видѣть всѣ свои пороки и преступленiя, всѣ вольныя и невольныя ошибки свои, малѣйшiя движенiя своего всегда и навѣки неудовлетвореннаго духа.

Великiй грѣшникъ передъ ближнимъ и, можетъ быть, еще бѣднѣе предъ самимъ собою, онъ — великомученикъ своихъ стремленiй, которыя, искажая, разрушая его, рожаютъ все новыя и новыя муки и радости бытiя. Духъ его, какъ проклятый Агасферъ, идетъ въ безграничiе будущаго, куда-то къ сердцу космоса или въ холодную пустоту вселенной, которую онъ — можетъ быть — заполнить эманацией своей психо-физической энергiи, создавъ — со временемъ — нѣчто недоступное представленiямъ разума сего дня.

Инстинкту важны только утилитарные результаты развитiя культуры духа, только то, что увеличиваетъ внѣшнее, материальное благополучiе жизни, хотя бы это была явная и унижительная ложь.

Для интеллекта процессъ творчества важенъ самъ по себѣ; интеллектъ глупъ, какъ солнце, онъ работаетъ безкорыстно.

Былъ въ Россіи нѣкто Иванъ Болотниковъ, человѣкъ оригинальной судьбы: ребенкомъ онъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ во время одного изъ ихъ набѣговъ на окраинные города Московскаго царства, юношей былъ проданъ въ рабство туркамъ, — работалъ на турецкихъ галерахъ, его выкупили изъ рабства венеціанцы и, проживъ нѣкоторое время въ аристократической Республикѣ Дожей, онъ возвратился въ Россію.

Это было въ 1606 году; московскіе бояре только-что затравили талантливаго царя Бориса Годунова и убили умнаго смѣльчака, загадочнаго юношу, который, принявъ имя Дмитрія, сына Ивана Грознаго, занялъ Московскій престолъ и, пытаясь перебороть азіатскіе нравы москвитянъ, говорилъ въ лицо имъ:

«Вы считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а вы — развратны, злобны, мало любите ближняго и не расположены дѣлать добро».

Его убили, былъ выбранъ въ цари хитрый, двоедушный Шуйскій, князь Василій, явился второй самозванецъ, тоже выдававшій себя

за сына Грознаго, и вотъ въ Россіи началась кровавая трагедія политическаго распада, извѣстная въ исторіи подъ именемъ «Смуты». Иванъ Болотниковъ присталъ ко второму самозванцу, получилъ отъ него право команды небольшимъ отрядомъ сторонниковъ самозванца и пошелъ съ ними на Москву, проповѣдуя холопамъ и крестьянамъ:

«Бейте бояръ, берите ихъ женъ и все достояніе ихъ. Бейте торговыхъ и богатыхъ людей, дѣлите между собой ихъ имущество».

Эта соблазнительная программа примитивнаго коммунизма привлекла къ Болотникову десятки тысячъ холоповъ, крестьянъ и бродягъ, они неоднократно били войска царя Василія, вооруженныя и организованныя лучше ихъ; они осадили Москву и съ великимъ трудомъ были отброшены отъ нея войскомъ бояръ и торговыхъ людей. Въ концѣ концовъ, этотъ первый мощный бунтъ крестьянъ былъ залитъ потоками крови, Болотникова взяли въ плѣнъ, выкололи ему глаза и утопили его.

Имя Болотникова не сохранилось въ памяти крестьянства; его жизнь и дѣятельность не оставила по себѣ ни пѣсенъ, ни легендъ. И вообще въ устномъ творествѣ русскаго крестьянства нѣтъ ни слова о десятилѣтней эпохѣ — 1602—1613 г.г. — кровавой

смуты, о которой историкъ говоритъ, какъ о «школѣ своевольства, безначалія, политическаго неразумія, двоедушія, обмана, легкомыслія и мелкаго эгоизма, неспособнаго оцѣнить общихъ нуждъ». Но все это не оставило никакихъ слѣдовъ ни въ бытѣ, ни въ памяти русскаго крестьянства.

Въ легендахъ Италіи сохранилась память о фра-Дольчино, чехи помнятъ Яна Жижку, такъ же, какъ крестьяне Германіи Томаса Мюнцера, Флоріана Гейера, а французы — героевъ и мучениковъ «Жакеріи» и англичане имя Уоттъ Тейлора, — обо всѣхъ этихъ людяхъ въ народѣ остались пѣсни, легенды, рассказы. Русское крестьянство не знаетъ своихъ героевъ, вождей, фанатиковъ любви, справедливости, мести.

Черезъ 50 лѣтъ послѣ Болотникова Донской казакъ Степанъ Разинъ поднялъ крестьянство почти всего Поволжья и двинулся съ нимъ на Москву, возбужденный той же идеей политическаго и экономическаго равенства. Почти три года его шайки грабили и рѣзали бояръ и купцовъ, онъ выдерживалъ правильныя сраженія съ войсками царя Алексѣя Романова, его бунтъ грозилъ поднять всю деревенскую Русь. Его разбили, потомъ четвертовали. Въ народной памяти о немъ осталось двѣ-три пѣсни, но чисто народное происхожденіе ихъ сомнительно, смыслъ же

былъ непонятенъ крестьянству уже въ началѣ XIX вѣка.

Не менѣе мощнымъ и широкимъ по размаху былъ бунтъ, поднятый при Екатеринѣ Великой уральскимъ казакомъ Пугачевымъ, — «эта послѣдняя попытка борьбы казачества съ режимомъ государства», какъ опредѣлилъ этотъ бунтъ историкъ С. Ф. Платоновъ. О Пугачевѣ тоже не осталось яркихъ воспоминаній въ крестьянствѣ, какъ и о всѣхъ другихъ, менѣе значительныхъ, политическихъ достиженіяхъ русскаго народа.

О нихъ можно сказать буквально то же, что сказано историкомъ о грозной эпохѣ «Смуты»:

«Всѣ эти возстанія ничего не измѣнили, ничего не внесли новаго въ механизмъ государства, въ строй понятій, въ нравы и стремленія»...

Къ этому сужденію умѣстно прибавить выводъ одного иностранца, внимательно наблюдавшаго русскій народъ. «У этого народа нѣтъ исторической памяти. Онъ не знаетъ свое прошлое и даже, какъ будто, не хочетъ знать его». Великій князь Сергѣй Романовъ рассказалъ мнѣ, что въ 1913 году, когда праздновалось трехсотлѣтіе династіи Романовыхъ и царь Николай былъ въ Костромѣ, — Николай Михайловичъ —

тоже великій князь, талантливый авторъ цѣлаго ряда солидныхъ историческихъ трудовъ, — сказалъ царю, указывая на многотысячную толпу крестьянъ:

«А вѣдь они совершенно такіе же, какими были въ XVII вѣкѣ, выбирая на царство Михаила, такіе же; это — плохо, какъ ты думаешь?»

Царь промолчалъ. Говорятъ, онъ всегда молчалъ въ отвѣтъ на серьезные вопросы. Это — своего рода мудрость, если не является хитростью или — не вызвано страхомъ.

Жестокость — вотъ, что всю жизнь изумляло и мучило меня. Въ чемъ, гдѣ корни человѣческой жестокости? Я много думалъ надъ этимъ и — ничего не понималъ, не понимаю.

Давно, когда-то я прочиталъ книгу подъ зловѣщимъ заглавіемъ: «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости».

Авторъ, искусно подобравъ факты, доказывалъ, что съ развитіемъ прогресса люди все болѣе сладострастно мучаютъ другъ друга и физически, и духовно. Я читалъ эту книгу съ гнѣвомъ, не вѣрилъ ей и скоро забылъ ея парадоксы.

Но теперь, послѣ ужасающаго безумія европейской войны и кровавыхъ событій ре-